

Только третья тётушка (саньшэньшэнь) с уверенностью возразила:

— Сяолань, слова нельзя бросать на ветер, я никогда не распространяла слухи!

В то время она с мужем работала за пределами деревни, воспитывая детей, и вообще не была в селе.

Сунь Сяолань запнулась, не находя слов для оправдания. К тому же она только что своими неосторожными словами обидела многих, поэтому решила не задерживаться и, не попрощавшись, ушла, размахивая рукавом.

После её ухода стало ещё оживлённее.

Смесь раздражения, лести и любопытства привела к тому, что женщины, забыв о желании научиться ремеслу, начали обсуждать поведение Сунь Сяолань.

— Посмотрите на её высокомерие! Она же не может зарабатывать как Ван Пинпин, только языком треплет!

— Ах, не говорите так. Слышала, она сейчас не ладит с тещей, дома постоянно ссорятся — вот и настроение у неё плохое!

— Её теща ещё ничего: помогает с ребёнком, стирает, готовит. А моя — как будто я ей божество, только если подашь еду прямо в руки, она есть согласится!

— Моя теща вообще ужасная, она...

Когда тема разговора окончательно ушла в сторону, Ван Пинпин не вмешивалась, лишь улыбалась, слушая их жалобы. В конце концов третья тётушка, обеспокоенная делами, вернула разговор в нужное русло.

— Хе-хе, время уже позднее. Давайте послушаем Пинпин, пусть поскорее научит нас готовить рисовые шарики (фантуань), чтобы не затягивать до темноты.

Ван Пинпин, словно только что вспомнив, произнесла:

— О... Приготовление рисовых шариков на самом деле не так сложно. Просто я не очень красноречива — боюсь, что объяснениями не смогу всё передать. Давайте я сначала расскажу основные шаги, а потом покажу на практике пару раз. Думаю, этого будет достаточно.

Сказав это, она кивнула двум детям, стоявшим рядом.

Малыши, поняв намёк, пока Ван Пинпин задерживала гостей в главной комнате, поспешили на кухню.

Когда Ван Пинпин медленно повторила шаги несколько раз, она, не дожидаясь, пока гости заскучают, провела их на кухню.

Кухня была небольшой: глиняная печь, разделочный стол и шкаф для посуды — места для всех явно не хватало.

Третья тётушка, благодаря своей ловкости, протиснулась вперёд и вошла на кухню за Ван Пинпин.

Кухня оказалась почти пустой: кроме пары пучков зелёного лука, нескольких головок чеснока и двух банок солений, больше ничего не было.

Ван Пинпин, словно только сейчас спохватившись, воскликнула:

— Ой, я забыла! Мы уже давно не занимаемся продажей рисовых шариков. С наступлением жары оставшиеся ингредиенты пришлось использовать.

Это объяснение звучало логично, но третья тётушка не сдавалась:

— Пинпин, может, поищешь ещё? Для двух порций рисовых шариков много не нужно.

Ван Пинпин с лёгкой усмешкой взглянула на неё:

— Хорошо, давайте все поищем.

Естественно, ничего не нашли.

В момент всеобщего разочарования Тун Цянь вдруг весело предложил.

Подняв голову, он обратился к матери:

— Я помню, тётя Чуньхуа (Лю Чуньхуа) тоже продаёт рисовые шарики в городе. У неё наверняка есть нужные продукты. Почему бы просто не отправить третью тётушку и остальных к ней, чтобы она показала всем, как это делается?

Лю Чуньхуа?

Услышав это имя, те, кто знал её характер, незаметно отступили на два шага, сразу отвергнув предложение.

Шутка ли! Она была настоящей тигрицей. Даже в обычное время её боялись, а теперь собирались открыто отобрать у неё еду? Даже если их было много, Лю Чуньхуа в гневе вряд ли стала бы считаться с ними!

Нет, точно не стала бы!

Тун Цянь почесал голову, недоумевая:

— Третья тётушка, почему моя мама может показать, а тётя Чуньхуа — нет?

Хотя все понимали, что это были лишь детские слова, они не могли не почувствовать стыд.

Почему? Разве не из-за того, что они боялись сильных и давили на слабых?

Считали, что Ван Пинпин, живя в деревне одна, не посмеет обижать родственников и соседей, поэтому и наглели.

Лю Чуньхуа была грубой и неуправляемой, и никто не решался связываться с ней.

Ван Пинпин понимала, что сын защищает её, и сердце её согрелось. Она улыбнулась, наклонилась и вытерла пот с носа сына.

Выпрямившись, она вдруг почувствовала сильное отвращение к этим так называемым

родственникам и друзьям. Не теряя времени, она холодно сказала:

— Раз ингредиентов нет, я ничего не могу поделать. Мне нужно готовить детям, так что...

Перед таким холодным отношением даже самые наглые не выдержали и стали прощаться.

Третья тётушка, уходя, всё ещё чувствовала неудовлетворённость и, обернувшись, сказала Ван Пинпин:

— Тогда я потом принесу немного клейкого риса, и ты мне покажешь...

Ван Пинпин сохраняла вежливую улыбку, делая вид, что не слышит.

Когда все ушли, Тун Цянь возмущённо сказал:

— Хотели пожить за наш счёт, но не вышло — даже окна не оставили!

Он повернулся к Чжоу Минъяню и Тун Пань'эр:

— Брат Минъянь (Чжоу Минъянь), сестра (Тун Пань'эр), принесите продукты обратно.

Едва Ван Пинпин подмигнула ему, он всё понял и сразу же побежал на кухню, где спрятал клейкий рис, капусту, курицу, свинину и другие ингредиенты, чтобы у тех людей не было повода для претензий.

Вернув продукты на место, Тун Цянь с беспокойством поднял глаза:

— Мама, мама, на этот раз мы их прогнали, но что, если они вернуться? Может, тебе стоит переехать в город, чтобы они тебя не доставали?

— Что значит «доставали»? Это же не игра в орла и цыплят, — засмеялась Ван Пинпин. — Не беспокойся, я не из тех слабых цыплят, которых можно поймать и съесть.

Увидев, что у неё уже есть план, Тун Цянь больше не стал спрашивать.

После своего перерождения (чуншэн) он, как насадка, пытался защитить мать и сестру, реагируя на малейшие изменения с тревогой.

Проблема заключалась в том, что обе женщины, которых он хотел защитить, были старше него. Особенно для Ван Пинпин Тун Цянь всё ещё оставался ребёнком, пытающимся вести себя как взрослый, что вызывало ощущение несоответствия.

— Тебе нужно постараться отпустить это чувство. С сестрой всё в порядке. Тётя уже взрослая, а твои действия только усиливают её чувство вины — будто она не может дать детям ощущение безопасности, из-за чего ты так беспокоишься.

Выслушав пронизательный анализ Чжоу Минъяня, Тун Цянь зарылся в одеяло и думал до поздней ночи, пока не признал, что Чжоу Минъянь видит глубже.

С тех пор он старался контролировать себя и меньше вмешиваться в дела Ван Пинпин.

Конечно, это было связано и с тем, что сама Ван Пинпин становилась всё сильнее и с любыми трудностями справлялась легко. Например, в этот раз она спокойно поставила на место жадных людей, которые ничего не получили, но при этом остались в долгу перед ней.

Тем временем Сунь Сяолань, ушедшая в гнев, шла по дороге, и чем больше думала, тем больше чувствовала несправедливость.

Её свёкор в молодости был ленивым и продал единственные несколько му земли, которые были в семье. Когда она вышла замуж, дом был в нищете. Потом она родила трёх дочерей — две из которых умерли в больнице, — пока наконец не появился сын. Муж, ради сына, решил, что так жить нельзя, и уехал на заработки, иногда даже на Новый год не возвращался.

Оставшись с нелюбимыми свёкром и свекровью, Сунь Сяолань под давлением семейного долга старалась как можно больше времени проводить в деревне или городе, не желая возвращаться домой до темноты.

Уже почти у дома она вспомнила лицо свекрови и вспыхнула гневом.

В этот момент из дома раздался душераздирающий крик.

— Эрбао (Тун Эрбао)! — Сунь Сяолань испугалась. Ведь сын был её долгожданным сокровищем, которым вся семья дорожила.

Она побежала домой и увидела, как Тун Эрбао, плача, указывал на своего деда и кричал:

— Старый черепаха!

Свёкор, который в этой семье меньше всего заботился о Тун Эрбао (а точнее, вообще ни о ком не заботился), рассердился:

— Сукин сын! Повтори ещё раз!

— Черепаха! — Тун Эрбао не испугался.

— Проклятый! — Свёкор, охваченный яростью, схватил маленькую табуретку и бросил её в пухлого Тун Эрбао.

— Эрбао!

— Дорогой!

Сунь Сяолань и свекровь одновременно бросились к мальчику. Но Тун Эрбао, неуклюжий и медлительный, не успел среагировать, когда тяжёлая табуретка полетела в его сторону.

<http://bllate.org/book/16382/1482815>